
ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

КРИЗИС

МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Мировой порядок

Генри Киссинджер

Кризис

«Издательство АСТ»

2003

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

Киссинджер Г.

Кризис / Г. Киссинджер — «Издательство АСТ»,
2003 — (Мировой порядок)

ISBN 978-5-17-145086-1

Генри Киссинджер — американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международной политики, занимал должности советника американского президента по национальной безопасности в 1969—1975 годах и государственного секретаря США с 1973 по 1977 год. Лауреат Нобелевской премии мира за 1973 год, Киссинджер — один из самых авторитетных политологов в мире. Во время работы доктора Киссинджера в администрации президента Ричарда Никсона велась регулярная распечатка стенограмм телефонных разговоров. С 2001 года стенограммы, хранящиеся в Национальном архиве США, стали общедоступными. Эти записи и комментарии к ним Генри Киссинджера передают атмосферу, в которой принимались важные решения, и характер отношений, на которых строилась американская политика. В книге обсуждаются два кризиса — арабо-израильская война на Ближнем Востоке в октябре 1973 года и окончательный уход из Вьетнама в 1975 году. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

ISBN 978-5-17-145086-1

© Киссинджер Г., 2003
© Издательство АСТ, 2003

Содержание

Вступление	7
Ближневосточная война 1973 года	9
Определение стратегии	13
Дипломатические танцы в ООН	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Генри Киссинджер

Кризис

*Посвящается моим внукам
Сэму, Софии, Уиллу и Джулиане*

Серия «Мировой порядок»

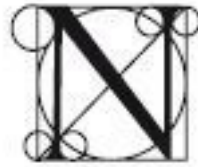
Henry Kissinger
CRISIS
The Anatomy of Two Major Foreign Policy Crises

Перевод с английского *В. Верченко*

Печатается с разрешения Free Press, a Division of Simon & Schuster, Inc., и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Киссинджер, Генри.

Кризис / Генри Киссинджер; [перевод с английского В. Верченко]. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 512 с. – (Мировой порядок).
ISBN 978-5-17-145086-1

© Henry A. Kissinger, 2003
© Перевод. В. Верченко, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Вступление

В то время как я работал в администрациях Ричарда М. Никсона и Джеральда Р. Форда советником по национальной безопасности, а затем государственным секретарем, занимая эти обе должности одновременно с 1973 до конца 1975 года, мои секретари печатали стенограммы подавляющего большинства моих телефонных разговоров. Эти стенограммы в оригинале никогда не редактировались во время печатания. Цель их печатания состояла в том, чтобы дать мне возможность выполнять данные мною обещания или достигнутые во время разговора договоренности и включать их в памятные записки для президента или в иные документы. В 1977 году я сдал эти рабочие документы в Библиотеку Конгресса, а в 1980 году предоставил их на рассмотрение Государственному департаменту. С 1997 года эти записи использовались историческим отделом Госдепартамента для публикации в своих сериях о внешней политике. В 2001 году я передал все записи телефонных бесед в совете национальной безопасности в Национальный архив США, а стенограммы бесед в качестве государственного секретаря в Госдепартамент, чтобы дать возможность этим ведомствам работать с ними и сделать их общедоступными.

Эти разговоры передают атмосферу, в которой принимались важные решения, и характер отношений, на которых строилась национальная политика. Поскольку решения по телефону отражают срочность момента, они не всегда содержат весь спектр соображений, лежащих в основе причин их принятия. Для полной картины того или иного исторического момента необходимы записи различных межведомственных встреч и стенограммы личных разговоров с президентом. Тем не менее эти разговоры дают точную картину важных факторов, влияющих на принятие решений, особенно во время быстро меняющихся событий, описанных в этом сборнике. Каждый раздел предваряется кратким описанием, которое продолжается там, где есть пробелы в стенограммах телефонных разговоров. Там, где это было необходимо для достижения последовательности хода событий, я включил краткие обзоры соответствующих межведомственных встреч.

Эта книга затрагивает два кризиса, которые были решены – что важно – преимущественно по телефону: война на Ближнем Востоке в октябре 1973 года и окончательный уход из Индокитая в 1975 году. Во время ближневосточной войны телефон использовался очень часто, потому что, когда она разразилась, я был в Нью-Йорке, принимал участие в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, а затем элементарная нехватка времени затрудняла использование более официальных средств связи. Окончательный выход из Вьетнама должен был быть осуществлен в чрезвычайных условиях, требующих частых телефонных контактов.

Два кризиса, описанные в этой книге, сопровождались внутренними кризисами в самих Соединенных Штатах. Ближневосточная война случилась в разгар Уотергейтского кризиса; действительно, два ее кульминационных события охватили весь период войны. Во время начала вооруженного конфликта, 6 октября, президент Никсон был вынужден решать дела с отставкой вице-президента Spiro Agnew. В течение второй недели Никсон вел переговоры о порядке передачи записей секретных бесед в Белом доме. Это привело к отставке Эллиота Ричардсона с поста генерального прокурора и увольнению Арчибалда Кокса с поста специального прокурора. Так называемая «субботняя резня» произошла вечером, когда я был в Москве 20 октября и вел переговоры о прекращении огня на Ближнем Востоке. Вскоре это привело к началу процедуры импичмента президента Никсона в палате представителей. В результате, пока прилагались эти усилия, Александр Хейг был, как показывают разговоры, главным посредником в контактах с Никсоном даже для меня.

Уход из Вьетнама стал концом одного из самых острых разногласий в истории Америки, и позиция всех ключевых игроков определялась позициями, которые они занимали ранее, хотя к моменту фактического ухода эти расхождения уже были преодолены самим ходом событий. Тем не менее основные категории дебатов продолжались в течение последнего месяца, даже когда Индокитай был охвачен катастрофой.

Читатель должен помнить, что разговоры отражают атмосферу кризисных моментов. Таким образом, на деле существующие повседневные различия между Государственным департаментом и министерством обороны кажутся более драматичными, чем их конечный результат. По фундаментальным вопросам мы с министром обороны Джеймсом Шлезингером обычно оказывались на одной стороне, даже если мы прибывали туда окольными путями, в значительной степени под влиянием возглавляемого нами бюрократического аппарата. Хорошей иллюстрацией является воздушный лифт в Израиль, история которого прослеживается на этих страницах.

Совет национальной безопасности дал согласие на публикацию этих телефонных разговоров, и я хочу поблагодарить доктора Кондолизу Райс за их тщательную проверку ее сотрудниками. Я внес по их просьбе некоторые корректировки и указал размещение удаленных мест соответствующим образом в виде многоточия, заключенного в квадратные скобки, как указано далее: [...]. Сами беседы были немного отредактированы, чтобы исключить повторы. Такие корректировки отмечены простым многоточием: ... Обычные слова вежливости, такие как приветствия и прощания в начале и в конце разговора, также были опущены.

Время указано по Североамериканскому восточному стандартному времени.

Ближневосточная война 1973 года

Ближневосточный кризис, который перерос в войну в 1973 году, состоял из многих компонентов: арабо-израильский конфликт, идеологическая борьба между умеренными арабами и радикалами, а также соперничество сверхдержав, США и Советского Союза. Эти составные части имели в своей основе разное происхождение и со временем переплелись в сложный клубок; решение для одного не могло быть достигнуто без того, чтобы не затронуть другие.

Создание Государства Израиль при американской (а в то время и советской) поддержке в 1948 году привело к разжиганию арабского национализма и к войне, в конце которой границы были определены по линиям на момент заключения перемирия. Созданный как нация силой оружия, Израиль с тех пор жил непризнанным со стороны его соседей, которые подвергали его остракизму и ненавидели всеми фибрами души. В 1956 году Израиль двинулся на Синайский полуостров в качестве дополнения к англо-французской Суэцкой операции. Вынужденный Организацией Объединенных Наций вернуться к границе 1947 года, Израиль добился демилитаризации Синая и свободы судоходства в свой порт на Красном море в Эйлате. В июне 1967 года Израиль прорвался через линию перемирия после того, как подстрекаемый советской дезинформацией Египет при президенте Гамале Абдель Насере объявил блокаду Эйлата и угрожающе двинул свою армию на демилитаризованный Синайский полуостров по направлению к Израилю. Война закончилась за шесть дней, а Израиль отвоевал Синайский полуостров у Египта, Западный берег реки Иордан и Голанские высоты у Сирии. Такое унижение усугубило разочарование арабов.

Израиль, который никак не хотел смириться с принятыми границами, не видел никакой существенной разницы между расположением его границ в том или ином неприемлемом месте. Обреченный на враждебное отношение со стороны арабов, он стремился создать как можно более широкий пояс безопасности и сохранить все свои завоевания. В результате этого поражения арабские страны под руководством президента Египта Насера заняли вызывающе непримиримую позицию. На саммите Лиги арабских государств в Хартуме они приняли принцип трех «нет»: «Нет мира с Израилем, никакого признания Израиля, никаких переговоров с ним». Началась война на истощение, в рамках которой Советский Союз создал систему противоздушной обороны, состоящую из зенитно-ракетных комплексов, размещенных вдоль Суэцкого канала. В 1970 году в Иордании произошел переворот по инициативе Организации освобождения Палестины. Сирия вторглась в Иорданию в поддержку ООП, вооруженные силы Соединенных Штатов были приведены в боевую готовность, и кризис закончился изгнанием ООП из Иордании.

После этого арабские страны разрывались между своим идеологическим и религиозным неприятием существования израильского государства и практической реальностью, заключающейся в том, что они не могли изменить статус-кво, кроме как с помощью той или иной формы дипломатии. Умеренные арабские правительства, такие как Иордания и (при Насере – неоднозначно) Египет, нащупывали свой путь к формуле, которая приняла Израиль на его довоенных (1967) границах (то есть линиях перемирия 1947 года). Но до урегулирования статуса арабских палестинцев они не позволят ничего другого, кроме прекращения состояния войн – иной формы перемирия – вместо полного мира, которого требует Израиль.

И в дальнейшем палестинский вопрос пребывал в еще большем тупике из-за позиции палестинских националистов, которые отказывались признать законность Израиля на любых условиях. Сирия отказывалась вести переговоры при любых обстоятельствах; она возражала против самого существования Израиля, а не его границ. Ирак усиленно добавлял свой вес к весу радикалов, как поступали и Ливия, и Алжир. ООП, претензия которой на то, чтобы представлять всех палестинцев, еще не была признана арабскими государствами, призывала к

созданию светского государства в Палестине, то есть к исчезновению Израиля. А сам Израиль все больше и больше отождествлял свою безопасность с присутствием на Западном берегу. Этот тупик блокировал дипломатию Ближнего Востока на все годы между войнами 1967 и 1973 годов.

Символом тупика была резолюция 242 Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года. В ней говорилось о «справедливом и прочном мире» в «безопасных и признанных границах», но не содержалось определения ни одного из предложенных прилагательных. Отвергнутая некоторыми арабскими государствами, истолкованная теми, кто принял ее, а также Израилем в соответствии с их предубеждениями, эта резолюция стала скорее выражением тупика, чем средством его разрешения. Те арабские лидеры, которые были готовы к переговорам, трактовали ее как требование полного возврата Израиля к границам, существовавшим до июня 1967 года. Израиль же утверждал, что ни одна из его довоенных границ не была безопасной; он настаивал на сохранении части оккупированной территории каждого из своих соседей. Чтобы вдвойне убедиться в том, что его интересы защищены, Израиль выдвинул требование, столь же разумное, сколь и невыполнимое: чтобы арабские государства вели переговоры с ним напрямую. Другими словами, Израиль потребовал признания в качестве предварительного условия переговоров.

Арабские государства, чтобы их не обманули, прежде чем они обратятся к дипломатии, добивались признания своих территориальных требований. Ни один арабский лидер, каким бы умеренным он ни был, не мог согласиться с притязаниями Израиля и выжить в атмосфере унижения, радикализма и советского влияния того периода. Ни один израильский премьер-министр не мог остаться на своем посту, если отказывался от претензий на некоторые из оккупированных территорий в качестве платы за участие в переговорах. Израиль питал иллюзию, что сможет как приобрести значительную территорию, так и достичь мира. Его арабские противники предавались противоположной иллюзии – что они могут вернуть себе территорию, не предлагая мира.

Египет стал ключом к ближневосточной дипломатии. Тактическая необходимость подкрепила тот факт, что Египет заработал своими размерами, традициями, культурным влиянием и жертвами в серии арабо-израильских войн. Египет был самой густонаселенной арабской страной, культурным центром региона. Его учителя были основой образовательной системы арабского мира; его университеты привлекали студентов со всего региона. У него была самая длинная непрерываемая история среди всех наций, за исключением Китая. И он принял на себя основной удар арабо-израильского конфликта. И как монархия, и как республика, он вел борьбу, которая вышла за пределы узких египетских национальных интересов. Он принес своих молодых людей в жертву делу арабского единства и палестинского самоопределения. При этом потерял Синайский полуостров и неоднократно рисковал своим национальным единством. Египет заслужил право заключить мир.

Но, оставаясь президентом, Насер скрывал Египет своими противоречивыми действиями. Он показал общую готовность участвовать в мирном процессе, хотя и во имя невыполнимой программы. Потребовал возвращения Израиля к границам 1967 года в обмен на отказ Египта от враждебного отношения; поставил переговоры о мире в зависимость от израильского урегулирования с палестинцами, а затем от требования ликвидации еврейского государства. Также Насер не стал бы вести прямые переговоры с Израилем. Скорее Америку попросили бы добиться ухода Израиля с оккупированных территорий, взамен чего Насер наделил бы нас преимуществом от восстановленных дипломатических отношений. Тем временем Каирское радио оставалось центром антиамериканской – а точнее, антизападной – пропаганды на всем Ближнем Востоке. Короче говоря, Насер хотел вести арабский мир с антиамериканской позиции, чтобы представить любые уступки, которых он добивался, как завоеванные воинственными

арабами, поддерживаемыми советским оружием и советским дипломатическим прикрытием. Соединенные Штаты не были заинтересованы в оправдании такого курса.

В сложившейся тупиковой ситуации роль Советского Союза колебалась от проявления враждебности до полной растерянности. Его поставки оружия способствовали росту непримиримости арабов. Но это не привело ни к чему хорошему, кроме как к увеличению опасности тупиковой ситуации; он не мог ее устранить. СССР так и не удалось выбрать для себя одну из дилемм. Односторонне одобряя все позиции своих арабских подопечных, он не мог продвигать ни переговорный процесс, ни собственную роль. В силу этого у нас не было причин поддерживать программу бичевавших нас арабских радикалов; в том маловероятном случае, если бы мы вдруг изменили нашу точку зрения, нам не понадобился бы Советский Союз в качестве посредника. Другими словами, Москва могла бы внести эффективный вклад в решение, только в какой-то степени дистанцируясь от требований арабов и, таким образом, поставив под угрозу некоторых из своих друзей в арабском мире. Но если бы она этого не сделала, то рисковала бы поддерживать цели, которых не могла бы осуществить, и тем самым не могла бы не вызвать презрения как страдающая немощью. Москва могла раздувать тлеющие угли кризиса, но, как только те перерастали в пламя, могла использовать их в своих целях, только разжигая конфронтацию между великими державами, чего до тех пор тщательно избегала.

Как и другие игроки, Советский Союз выжидал. Он выступал в роли адвоката арабов, но не смог продвинуть их дело; он выиграл время за счет поставок оружия, но это только увеличило степень возможного насилия, не изменив при этом лежащих в его основе реальностей.

У Америки не было никакого интереса в навязывании урегулирования Израилю под всесторонним давлением, поскольку это укрепило бы убеждение в том, что с Америкой лучше всего бороться с помощью вымогательства. В арабском мире нам нужно было усилить умеренных против радикалов, правительства, связанные с Западом, против подопечных вассалов Советского Союза. Поэтому мы принципиально отказались от каких-либо уступок Египту, до тех пор пока Насер (или его преемник Анвар Садат, если на то пошло) опирался на антизападную риторику, подкрепленную присутствием советских боевых войск. И мы не видели никакого смысла действовать совместно с Советским Союзом, пока позиция Москвы совпадала с радикальной арабской программой. Рано или поздно, как мы были убеждены, Египет или какое-либо другое государство признают, что опора на советскую поддержку и радикальную риторику гарантировала полный крах их устремлений. В этот момент Египет мог бы пожелать ликвидировать советское военное присутствие («выслать» – вот слово, использованное мной во время сильно раскритикованного брифинга 26 июня 1970 года) и рассмотреть достижимые цели. Тогда настал бы момент для крупной американской инициативы, которая, в случае необходимости, подтолкнула бы наших израильских друзей к новым подходам.

В 1970 году Насер умер, а Анвар Садат начал двигаться в этом направлении, хотя и несколько неоднозначно. Он продолжал полагаться на советскую военную технику, одновременно осторожно изучая дипломатические альтернативы. В 1971 году была предпринята попытка достичь соглашения о разъединении вдоль Суэцкого канала под эгидой представителя ООН, шведского дипломата Гуннара Ярринга. Но она ничем не кончилась, потому что Израиль не видел никакой пользы в уступках после размещения до 20 тысяч советских военных «технических специалистов» вдоль Суэцкого канала; у Соединенных Штатов не было стимула использовать давление, а Советы не были готовы бросить прямой вызов Соединенным Штатам.

В 1972 году Садат выслал советских военных специалистов, после того как Советский Союз не смог добиться дипломатического прогресса на Ближнем Востоке во время встречи на высшем уровне Ричарда Никсона и Леонида Брежнева в Москве. Но условия для разрыва еще не созрели. Президентские выборы в Соединенных Штатах и необходимость заниматься завершением войны во Вьетнаме помешали любому продвижению в 1972 году. В 1973 году в Израиле проходили выборы, и Никсон пообещал премьер-министру Израиля Голде Меир

отложить дипломатические инициативы до 1 ноября. Тем не менее он ясно дал понять, что Соединенные Штаты предпримут серьезные дипломатические усилия в дальнейшем. В рамках подготовительной работы я в 1973 году дважды встречался с Мохаммедом Хафизом Исмаилом, советником Садата по национальной безопасности, и в таком же духе я также говорил с министром иностранных дел Египта Мохаммедом эль-Зайятом 5 октября 1973 года, за день до начала войны.

Тем не менее Садат удивил все стороны, начав войну 6 октября 1973 года. Неожиданностью стал провал политического анализа. Все американские и израильские оценки до октября 1973 года были едины в том, что Египет и Сирия не обладают военным потенциалом, чтобы вернуть территорию силой оружия. Поначалу никто не понял, что Садат стремился не к завоеванию, а к изменению равновесия на переговорах, которые он намеревался начать. Шок от войны, как рассуждал он, позволит обеим сторонам – Израилю, равно как и Египту, – продемонстрировать гибкость, которая была невозможна, пока Израиль считал себя более сильным в военном плане, а Египет был парализован национальным унижением. Параллельно и мы сами пришли точно к такому же выводу.

Политические предположения, так или иначе, влияют на оценки разведки. Не далее как в полдень 5 октября, менее чем за сутки до атаки, ЦРУ сообщило президенту:

«Похоже, что обе стороны все больше озабочены действиями друг друга. Слухи и сообщения агентов могут подпитывать нарастающее, судя по всему, беспокойство. Проведенные военные приготовления не указывают на то, что какая-либо сторона намеревается начать первой боевые действия».

На этом фоне в октябре 1973 года неожиданно разразилась ближневосточная война.

Определение стратегии

6 октября 1973 года в 6:15 утра я спал в своем номере в отеле «Уолдорф тауэр» в Нью-Йорке, моей штаб-квартире во время ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, когда Джозеф Дж. Сиско, энергичный и блестящий помощник государственного секретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии, ворвался в мою спальню. Заставив себя проснуться, я услышал хриплый голос Сиско, который утверждал, что Израиль и две арабские страны, Египет и Сирия, собираются начать войну. Однако он был уверен, что все это было ошибкой, – каждая сторона на самом деле неверно истолковывала намерения другой. Если я немедленно и решительно направлю их на путь истинный, то смогу взять ситуацию под контроль еще до начала военных действий. Это была лестная оценка моих способностей. К сожалению, она оказалась преувеличенной.

Так поступить Сиско заставило срочное сообщение посла США в Израиле – бывшего сенатора Кеннета Китинга. Двумя часами ранее премьер-министр Голда Меир вызвала Китинга в свой кабинет в Тель-Авиве. Для израильского лидера было необычно находиться на работе в тот день – это был Иом-кипур, День искупления, самый святой день в году для евреев. Это день, который проводят в посте, молитве и размышлениях; он должен напоминать человеку о его ничтожности по отношению к Богу и является кульминацией периода Высоких Святых Дней; день, в который, согласно традиции, Бог решает судьбу всех смертных в наступающем году.

Поразительное послание Голды, по сути, состояло в том, что встреча Израиля с судьбой уже началась. «У нас могут быть проблемы», – сказала она Китингу. Передвижения египетских и сирийских войск, которые и Израиль, и США считали просто военными учениями, внезапно приняли угрожающий оборот. Китинг напомнил ей, что не прошло еще и двенадцати часов после того, как представители министерства обороны Израиля заверили его, что ситуация неопасна. «Это уже не так», – ответила госпожа Меир; теперь израильтяне были убеждены, что скоординированное нападение Египта и Сирии начнется позднее тем же вечером. Поскольку арабы, несомненно, потерпят поражение, как предположила она, кризис должен быть результатом их непонимания намерений Израиля. Не могут ли Соединенные Штаты срочно передать Советскому Союзу, а также арабским соседям Израиля, что Израиль не намеревается нападать ни на Египет, ни на Сирию? Израиль призывал «какие-то» резервы, но в доказательство своих мирных намерений приостанавливал всеобщую мобилизацию. Китинг спросил, планирует ли Израиль превентивный удар. Голда настойчиво повторила, что Израиль желает избежать кровопролития; он ни при каких обстоятельствах не станет первым предпринимать какие-либо враждебные действия.

Когда Сиско разбудил меня, Ближнему Востоку оставалось всего полтора часа мира и покоя. Египет и Сирия так искусно замаскировали свои военные приготовления, что даже на этом этапе израильтяне предполагали, что нападение произойдет на 4 часа позже установленного времени. Я знал, что никакая дипломатия не сработает, если арабское нападение было заранее спланировано. Но на мое мнение по-прежнему оказывали воздействие постоянные израильские сообщения, подтвержденные депешами американской разведки о том, что такое нападение практически невозможно. Поэтому я погрузился в лихорадочный период напряженной дипломатии, чтобы предотвратить столкновение, более чем наполовину убежденный в том, что причина действий Египта и Сирии коренится в непонимании намерений Израиля.

Первым моим шагом было позвонить послу СССР Анатолию Добрынину, как того просила премьер-министр Израиля, что, очевидно, разбудило и его.

СОВЕТСКИЙ ПОСОЛ АНАТОЛИЙ ДОБРЫНИН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

6:40 утра

К: Где мы нашли Вас?

Д: Дома.

К: Вы в Мэриленде?

Д: Я в посольстве.

К: У нас есть информация от израильтян, что арабы и сирийцы планируют нападение в течение следующих шести часов и что ваши люди эвакуируют гражданских лиц из Дамаска и Каира.

Д: Сирийцы и кто?

К: И Египет планирует атаку в течение следующих шести часов.

Д: Да.

К: И что ваши люди эвакуируют некоторых мирных жителей из Дамаска и Каира.

...

Д: Они попросили Вас сказать нам это?

К: Они попросили нас рассказать об этом. Я только что получил это сообщение от израильтян.

Д: Именно это они сказали?

К: Все верно.

Д: [Не слышит.]

К: Израильтяне говорят нам, что Египет и Сирия планируют нападение в ближайшее время и что ваши люди эвакуируются из Дамаска и Каира.

Д: Да.

К: Если причина вашей эвакуации...

Д: Для наше...

К: Да. Советская эвакуация – это опасения израильского нападения, затем израильтяне просят нас сказать вам, а также просят нас сказать об этом арабам.

Д: Израильтяне?

К: Да. У них нет никаких планов нападения.

Д: Да.

К: Но если египтяне и сирийцы нападут, израильский ответ будет чрезвычайно сильным.

Д: Да.

К: Но израильтяне будут готовы сотрудничать в ослаблении военной напряженности.

Д: Что?

К: Сотрудничество в ослаблении военной напряженности.

Д: Да.

К: Хорошо. От нас к вам. Президент считает, что вы и мы несем особую ответственность за сдерживание наших друзей.

Д: Да.

К: Мы срочно общаемся с израильтянами.

Д: Вы?

К: Да.

Д: Связываетесь с израильтянами?

К: Если так будет продолжаться, так идти и дальше, значит, случится война, прежде чем Вы поймете мое сообщение.

Д: Я понимаю. Вы общались с арабами и израильтянами.

К: Да, и особенно с Израилем, предостерегая его от необдуманных и опасных движений.

Д: Я понимаю.

К: И мы надеемся, что вы сможете сделать то же самое и максимально использовать свое влияние на своих друзей.

Д: Минуточку. Это конец сообщения?

К: Верно. Я хотел бы сказать Вам, чтобы Вы не сомневались – что для наших отношений очень важно, – чтобы именно сейчас у нас не было какого-то взрыва на Ближнем Востоке.

Д: Каких наших отношений?

К: Еще час назад я не воспринимал это всерьез, но только что состоялся срочный телефонный разговор с Иерусалимом, в ходе которого говорилось о том, что израильтяне считают, что этот взрыв произойдет в течение шести часов, и они начинают мобилизацию.

Д: Кто? Израильтяне? Вам не кажется, что израильтяне пытаются что-то сделать самостоятельно?

К: Если это так, мы говорим им, чтобы они не делали этого. Я не могу судить об этом. По состоянию на вчерашний день наша оценка заключалась в том, что египтяне и сирийцы вели военные приготовления, но мы полагали, что это [так и было] еще один из тех обманных трюков. Вы понимаете?

Д: Я понимаю.

К: По состоянию на вчерашний день израильтяне не проводили никаких приготовлений, которые мы заметили бы, но, как Вы знаете, они могут действовать очень быстро.

Д: Я понимаю и передам это сообщение. Я сделаю это и приму все необходимые меры.

К: Вы можете заверить Москву, что мы обмениваемся самыми срочными сообщениями с Израилем.

...

Следующий звонок я сделал Мордехаю Шалеву, заместителю главы миссии, в израильское посольство в Вашингтоне (посол Симха Диниц находился в Израиле по случаю еврейских праздников).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВЫ ИЗРАИЛЬСКОЙ МИССИИ

МОРДЕХАЙ ШАЛЕВ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

6:55 утра

К: У нас есть сообщение Китинга [посол США в Израиле] о том, что вы ожидаете боевых действий примерно через *шесть* часов.

Ш: Да.

К: Прежде всего, я должен сказать Вам: [Вы] должны были прийти со своим сообщением вчера. Вам не следовало рассчитывать на то, что Вы сделаете это в Вашингтоне, когда я здесь. [В сообщении содержится просьба к Соединенным Штатам заверить Египет и Сирию в том, что Израиль не собирался атаковать.]

Ш: В то время у меня этого не было. Они сказали мне, что Вы больше не сможете меня видеть.

К: Вы, должно быть, шутите. Не беспокойтесь об этом.

Ш: Разве Вы не получили сообщение?

К: Получил, но очень поздно ночью.

Ш: Пятнадцать минут назад мы объявили, что приняли меры предосторожности и [сейчас] приводим армию в состояние боевой готовности, что включает мобилизацию некоторых войск.

К: Я хочу сказать следующее. Мы поддерживаем связь с Советами и египтянами, призывая к максимальной сдержанности. Добрынин сказал, что они будут сотрудничать с нами.

Устанавливаем особые формы контактов. Мы хотели бы убедить вас не предпринимать никаких превентивных действий, потому что в таком случае ситуация станет очень серьезной.

Ш: Да.

К: Если бы Вы могли это передать.

Ш: Я сделаю это немедленно.

К: Мы будем держать вас в курсе всех ответов и разговоров, которые у нас состоятся. Не уходите далеко от Вашего телефонного аппарата.

Пять минут спустя я связался с египетским министром иностранных дел, который находился в Нью-Йорке.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЕГИПЕТА

МОХАМЕД ЭЛЬ-ЗАЙЯТ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

7:00 утра

К: Г-н министр иностранных дел, простите за беспокойство. У нас есть сообщение, которое поистине кажется нам очень надежным, и призыв израильтян на тот предмет, что ваши вооруженные силы и сирийские вооруженные силы планируют атаки в течение следующих нескольких часов.

З: Несколько часов?

К: Да. Мы поддерживали связь с израильтянами. Израильтяне просили нас сообщить вам о серьезности ситуации и о том, что они не имеют намерений атаковать, так что, если ваши приготовления вызваны опасением израильского нападения, они безосновательны.

З: Да.

К: А, с другой стороны, если вы собираетесь нападать, то они примут чрезвычайно жесткие меры. Это сообщение, которое я передаю Вам из Израиля. Я хочу сказать Вам, что я только что звонил израильскому посланнику [заместителю главы миссии Шалеву] и сказал ему, что, если Израиль нападет первым, мы весьма серьезно отнесемся к такой ситуации, и сообщили ему от имени Соединенных Штатов, что Израиль не должен нападать, независимо от того, что они расценивают как провокацию. А теперь я хотел бы попросить Вас, господин министр иностранных дел, сообщить об этом Вашему правительству.

З: Я сделаю это.

К: Срочно. И просить их от нашего имени проявить сдержанность в то время, когда мы, по крайней мере, начинаем...

З: Я сделаю это немедленно, хотя очень опасаясь, что это какой-то предлог со стороны Израиля.

К: Если это будет предлог, мы примем против них решительные меры.

Остальные разговоры, предназначенные для выяснения происходящего, говорят сами за себя. Следующий звонок был моему заместителю Бренту Скоукрофту.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СОВЕТНИКА ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

БРЕНТ СКОУКРОФТ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

7:15 утра

К: Есть ли у Добрынина сообщение перед собой, когда он разговаривает [с Москвой]?

С: Оно уже на выходе, но, вероятно, еще не дошло до него.

К: Они действительно в пути?

С: Да. Я сказал им.

К: Хорошо.

ОЛЕГ ЕДАНОВ, ПОМОЩНИК ПОСЛА ДОБРЫНИНА, – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

7:25 утра

К: Я знаю, что посол разговаривает с Москвой. Я хочу, чтобы у него была некоторая информация. Убедитесь, что он будет оставаться на линии, пока мы не закончим. Израиль только что дал нам заверения в том, что по нашей просьбе они не предпримут превентивного удара.

Е: Да. Я понимаю.

К: И мы хотели бы, чтобы Москва знала об этом, и мы хотели бы, чтобы Москва использовала свое влияние на Египет и Сирию в том же направлении.

Е: Хорошо.

К: У нас есть гарантии, за которыми мы стоим.

Е: Да.

АЛЬФРЕД Л. (РОЙ) АТЕРТОН, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПОМОЩНИКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ ПО ДЕЛАМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
И ЮЖНОЙ АЗИИ, – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

7:30 утра

А: Получил сообщение от посла Китинга, который разговаривал с г-жой Меир несколько часов назад. Главное, что она попросила, чтобы мы передали следующее послание египтянам и Советам: Израиль не планирует нападать на Сирию и Египет и разворачивает свои силы на случай внешнего нападения; и на случай непредвиденных обстоятельств призвал некоторое число резервистов. Израилю хорошо известны воинственные настроения египтян и сирийцев. Если они атакуют, то проиграют, хотя нападающий может нанести ущерб, которого Израиль хочет избежать. Израиль не будет – повторяю, не будет – нападать; отметив, что Израиль сумеет успешно защититься в случае нападения, она подчеркнула, что израильское правительство желает избежать кровопролития.

К: Когда мы это получили?

А: Оно только что пришло по итогам встречи, которую посол провел с ней в начале дня сегодня.

К: Это самая важная его часть. Перешли сразу же Скоукрофту. И, Рой, не можешь ли ты засекретить этот материал, по самой полной, насколько это возможно.

А: Да, мы сделаем это.

К: И я закрою экземпляр в моей конторе. Отлично, благодарю.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЗАЙЯТ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

7:35 утра

К: Извините, что снова беспокою Вас. Хочу держать Вас в курсе дел. Я получил ответ от израильтян на мою просьбу не начинать или первыми не устраивать какие-либо военные операции. Они официально заверили, что не будут нападать или начинать военные операции.

Я хочу сказать Вам, что, если они нарушат данное нам обещание, мы отнесемся к этому самым серьезным образом.

З: Спасибо. Это похоже на то, что произошло в 1967 году [превентивное нападение Израиля на Египет]. Потому что русские говорили нам тогда, что на границе имела место концентрация сил.

К: Русские говорят об этой концентрации?

З: Вчера кто-то из делегации сообщил нам, что имела место концентрация на сирийском фронте.

К: Вот почему мы должны извлечь уроки из 1967 года. Теперь у нас есть обещание Израиля, что они не начнут превентивное наступление, и мы даем вам всю имеющуюся у нас информацию. Мы делаем все возможное, чтобы их сдерживать.

...

З: Могу я спросить, как Вы связываетесь. [Министр иностранных дел Израиля Абба] Эбан находится здесь?

К: Посол Израиля в Вашингтоне. Его связь лучше...

...

ПОСЛАННИК ШАЛЕВ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

7:45 утра

К: Мы передали Советам сообщение, что вы не планируете никаких превентивных действий и что у нас есть ваши заверения по этому поводу. У нас есть определенные обязанности в случае нарушения слова со стороны израильтян.

Ш: Да.

К: Мы организуем линии связи с египтянами в Каире. Советские представители говорили с Москвой по некоторым из поставленных нами тем.

Ш: А что насчет сирийцев?

К: У нас нет средств связи с ними. Советам придется это сделать. Я могу отправить кого-нибудь в посольство Сирии.

Ш: Хорошо. Я передал другое сообщение. Я в Вашем распоряжении.

К: Хорошо. Вы можете быть уверены, что будете проинформированы обо всем, что мы делаем.

ПОСОЛ ДОБРЫНИН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

7:47 утра

Д: Я разговаривал с [министром иностранных дел СССР Андреем] Громыко и отправил Ваше сообщение.

К: Вы видели сообщения, которые мы вам передали?

Д: Еще нет.

К: Еще не у Вас?

Д: Нет.

К: Если я убью нескольких людей и доставлю тела Вам, сможете вывезти их из города?

Д: Ха-ха-ха.

К: Вы получили сообщение, что у нас есть заверения Израиля – никаких превентивных атак?

Д: Да. Я уже это отправил.

К: Сообщения, которые приходят к Вам, обгоняют события.

Д: Я уже передал в Москву Ваше сообщение и сообщение Скоукрофта.

К: Итак, Вы в курсе текущего момента. Я разговаривал с министром иностранных дел Египта и передал ему сообщение Израиля. Я также сказал ему о заверениях Израиля в том, что превентивного нападения не будет и что мы проследим за тем, чтобы они были выполнены. Он сказал мне, что срочно передаст об этом в Каир. У нас не было контакта с сирийцами. Это слабое место в данной ситуации.

Д: Я понимаю.

К: Наше влияние в Сирии не так хорошо, как в Иерусалиме.

Д: Я понимаю.

К: Вы можете передать это в Москву, если они этого не знают. Это все, что мы проделали.

Д: Все было сделано в соответствии с Вашими указаниями.

К: За исключением того, что мы говорили об этом с министром иностранных дел Египта.

Д: Вы говорили с ним по телефону?

К: Он в Нью-Йорке. У нас был хороший разговор в Нью-Йорке. Вчера у нас была дружеская встреча, но безрезультативная. Как я уже сказал, мы не собираемся играть в разные игры. Вам скажут, что мы делаем. Вы можете успокоить Москву на сей счет.

**КАПИТАН 3-го РАНГА ДЖОНАТАН ХАУ, ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА СВЯЗЬ
В СИТУАЦИОННОЙ КОМНАТЕ, – КИССИНДЖЕР**

Суббота, 6 октября 1973 года

7:51 утра

К: Когда я прошу Вас что-то сделать, это нужно сделать в ту же секунду. Мы просили, чтобы два сообщения были отправлены в советское посольство, но они еще не дошли.

Х: Я займусь этим делом.

К: Освободите этих людей от других обязанностей. По какой мыслимой причине [если таковая есть] их еще не послали туда?

Х: Я не знаю, если только им не нужно было заняться изъятием не подлежащей огласке информации.

К: Это проблема ксерокса, насколько я понимаю.

Х: Я позабочусь об этом.

К: Я хочу, чтобы материалы были отправлены и переданы им в руки, и хочу получить отчет о проделанном.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЕГИПТА ЗАЙЯТ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

8:15 утра

З: Я не смог связаться с президентом. Он в оперативном центре. Я получил следующую информацию: сегодня в 6 часов утра несколько военно-морских частей и самолетов – израильтяне – столкнулись [то есть спровоцировали] с провокацией на египетских границах. Мы фактически пытались отбросить их и делаем это сейчас.

К: Они пытались пересечь канал?

З: В Суэцком заливе; военно-морская акция при поддержке самолетов. Это на нашей территории. Она находится далеко от сирийской границы и Суэцкого канала. Опубликовано первое коммюнике.

К: Это израильские военно-морские подразделения?

З: Он сказал, что военно-морские действия поддерживаются самолетами. Точно не знаю. Я запросил дополнительную информацию. Очевидно, это военное соприкосновение происходит в египетских водах в Зафаре и Сухне. Вдали от Суэцкого канала. К югу от канала.

К: Хорошо.

З: Я слышал, что израильтяне здесь, [они] созывают встречу министров иностранных дел.

К: Как я сказал Вам, мы будем противостоять любым наступательным действиям Израиля [или] кого-либо еще.

З: Мне ясна Ваша позиция.

К: Я немедленно займусь этим делом. Тем временем я призываю [вас] проявлять максимальную сдержанность и ограничивать любые действия тем местом, где они начались.

З: Внутри Египта немного сложно.

К: Если дело происходит на территории Египта, конечно вы захотите дать отпор, и мы не призываем вас не защищать вашу территорию, а призываем попытаться ее ограничить, и мы немедленно свяжемся с Израилем. Мы установим, если Вы хотите, мы организуем связь с Каиром, если Вы захотите немедленно связаться.

З: Я сказал им. Какие средства связи?

К: Капитан 3-го ранга Хау позвонит Вам или свяжется с одним из Ваших помощников и расскажет, как очень быстро установить связь.

З: Он должен позвонить нашему послу Мегиду [Ахмед Эсмаат Абдель Мегид, постоянный представитель Египта в ООН].

К: Мы свяжемся с ним и расскажем, как установить быструю связь. Передавайте мои теплые пожелания, и мы сделаем все, что в наших силах.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИЗРАИЛЯ

АББА ЭБАН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

8:25 утра

К: ...Вы знаете о сообщении, переданном нам вчера вечером?

Э: Да. Я получил сообщение об этом и о том, что, как мы опасаемся, они могут затеять как на севере, так и на юге. Три часа назад меня попросили подождать, с учетом того, что появятся новые подробности.

К: Я хочу рассказать Вам о том, что я проделал этим утром. Сегодня в 6 утра мне позвонил посол Китинг, который сказал, что ему сообщили о том, что есть эти достоверные сообщения, и просил нас использовать все наше влияние. Я сначала позвонил русским и сказал им проявлять максимальную сдержанность, и мы установили для них связь с Москвой. Я позвонил министру иностранных дел Египта и призвал его к максимальной сдержанности. Мы получили сообщение от премьер-министра [Израиля] через посла Китинга, в котором она заверила его, что израильтяне не предпринимают [то есть не проводят] превентивных атак. Я передал это египтянам, а также Советскому Союзу, и сказал им, что это наша очень настоятельная рекомендация израильтянам и мы были бы рады получить эти заверения, а в этих обстоятельствах необходима еще большая сдержанность. Мы установили связь для египтян с Каиром. Он [министр иностранных дел Зайят] разговаривал с Исмаилом [Мохаммед Хафиз Исмаил, советник Садата по вопросам национальной безопасности]. Он сообщает мне о военно-морских действиях в Суэцком заливе. Если дело обстоит именно так, то это очень прискорбно; этот район находится в египетских водах.

Э: Что такое военно-морские действия?

К: Стрельба. Израильтяне – воздушные и морские атаки. Учитывая срочность ситуации, я подумал, что должен переговорить с Вами об этом. Если ваши люди делают это, они будут

знать, где это. Я должен настоятельно призвать вас не проводить никаких израильских операций при таких обстоятельствах.

Э: Это меня удивляет. У нас есть заверения в отсутствии превентивных атак.

Где я могу с Вами связаться?

К: Вы можете связаться со мной в отеле «Уолдорф». Если эти [линии] будут заняты, звоните в Белый дом.

...

ПОСЛАННИК ШАЛЕВ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

8:29 утра

Ш: Только что позвонили из Иерусалима и сообщили, что во время заседания кабинета министров было получено известие о том, что военные действия начали египтяне и сирийцы. Судя по всему, в основном за счет бомбардировок с воздуха вдоль границ.

К: Мне позвонили египтяне и сказали, что вы проводите военно-морские операции в Суэцком заливе на египетской стороне.

Ш: Ну, я не знаю об этом.

К: В прошлом разве это не было вашим предпочтительным методом действий.

Ш: Нет.

К: Дело не в том, как в прошлом вы начинали что-то. Что вы делаете?

Ш: Я полагаю, мы учитываем это.

К: Я снова хочу призвать к максимальной сдержанности.

Ш: Я считаю, у Вас есть все заверения от нас о том, что мы не собираемся начинать, но похоже, что они уже начали.

К: Вы знаете, что случилось?

Ш: Нет. Все началось всего двадцать минут назад.

К: Не могли бы Вы держать меня в курсе?

Ш: Я так и сделаю.

Затем я переговорил с генералом Александром Хейгом, главой администрации Никсона, который был с президентом в Ки-Бискейне.

ГЕНЕРАЛ АЛЕКСАНДР ХЕЙГ,

ГЛАВА АДМИНИСТРАЦИИ БЕЛОГО ДОМА, – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

8:35 утра

К: Возможно, сегодня у нас уже идет война на Ближнем Востоке.

Х: Правда?

К: Я хочу, чтобы Вы знали, что происходит. Направляю президенту и Вам доклад о событиях, произошедших сегодня утром. Сегодня в 6:00 мы получили сообщение о том, что израильтяне ожидают нападения Сирии и Египта в течение шести часов.

Х: Да.

К: Сначала я подумал, что это израильский трюк, чтобы они могли начать атаку, хотя это самый святой день для них. Я позвонил израильтянам и предупредил их, призвав к сдержанности. Я позвонил египетскому министру иностранных дел и призвал к сдержанности. Я позвонил Добрынину. Я передал все наши средства связи Добрынину, и он позвонил в Москву. Мне в ответ перезвонили израильтяне, которые заверили нас, что никакие израильские пре-

вентивные [действия] не будут предприниматься. Египтяне перезвонили мне, чтобы сказать, что израильтяне начали военно-морскую атаку в Суэцком заливе, а через пятнадцать минут израильтяне позвонили и сказали, что египтяне и сирийцы обстреливают весь фронт и наносят воздушные удары. В настоящий момент маловероятно, чтобы израильтяне предприняли одновременную атаку в Суэцком заливе. Должно было быть хоть какое-то предположение, а все, что я хочу, чтобы Вы знали, что мы здесь в курсе происходящего. Вам надо сказать, что президента информируют с 6 часов утра, и я дам Вам знать, что происходит.

Х: Были ли какие-то нарушения границы?

К: На данный момент я просто знаю о переданном мне израильским министром из Иерусалима сообщении о воздушных налетах вдоль египетского и сирийского фронтов. Я не знаю, в чем состоят контрмеры и противодействие Израиля. У меня есть сообщение от египтян о том, что израильские военно-морские подразделения обстреливают их в Суэцком заливе и они будут их отгонять.

Х: Каково Ваше мнение о советской позиции?

К: Я считаю, что они пытаются замолчать и они удивлены.

Х: Вы верите в это?

К: Да. Я думаю, что для них слишком безумно начать это.

Х: Никогда не знаешь. Здесь возникло много трудностей [имеет в виду неизбежную отставку вице-президента Спино Т. Агню].

К: Это один фактор. Я считаю, что наша внутренняя ситуация [то есть Уотергейт] дала повод для этого. Я думаю, что могло так случиться, что Советы сказали египтянам... что не будет никакого прогресса, если на Ближнем Востоке не будет какой-то активности, а эти маньяки развозились слишком сильно. Теперь мне кажется, что израильтяне наверняка нанесут мощный ответный удар. Они уже частично мобилизованы. Возможно, я вернусь в Вашингтон и приму решение через несколько часов. Я прошу Скоукрофта созвать собрание ВГСД [Вашингтонской группы специальных действий]. Мы направляем в тот район Шестой флот. Нет двух кораблей в одном месте. Нам на сборы моряков, вероятно, понадобится неделя. Если что-то случится, нам придется двинуть его до завтрашнего дня.

Х: Хорошо, Генри.

К: Не позволяйте [пресс-секретарю президента Рону] Зиглеру высказываться без нашего ведома. Ваша позиция заключается в том, что президент следит за ситуацией и получает с сегодняшнего утра регулярные отчеты из ООН [Нью-Йорк]. Нам больше нечего сказать. Если должны быть сделаны какие-либо заявления, я уточню у Вас, следует ли их делать отсюда или из Белого дома.

Х: Я скажу, что президент получил отчет в 6:00.

К: Скажите, в 6:30. Скажем, я был в контакте со всеми этими людьми и мы не будем давать никаких комментариев. Мы направили сообщение Саудовской Аравии и Иордании и призвали их к сдержанности.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ КУРТ ВАЛЬДХАЙМ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

8:40 утра

К: Г-н генеральный секретарь, я хотел бы сообщить Вам о некоторых событиях, произошедших сегодня утром, которые, вероятно, могут выйти из-под контроля. Сегодня в 6:00 мне позвонил наш посол в Иерусалиме и сказал, что израильтяне считают, что нападение Египта и сирийских войск неизбежно, и с тех пор я несколько раз разговаривал по телефону с израильским министром иностранных дел [и] с египетским министром иностранных дел и призывал все стороны к максимальной сдержанности, и я получил заверение от израильтян о том,

что они не будут предпринимать превентивных наступательных действий. Египтяне перезвонили и сказали, что в Суэцком заливе идет израильское военно-морское нападение, что не было обычным методом для израильтян. Как только я повесил трубку, я получил сообщение от израильтян о том, что египетские и сирийские воздушные атаки осуществляются вдоль линии всех фронтов. По крайней мере, войска еще не переправились через границы. Это то, что я знаю на данный момент, и я просто хотел поговорить с Вами и выразить нашу готовность к сотрудничеству, которое мы пытаемся установить.

В: Большое спасибо.

К: Я пока еще не знаю, к каким действиям нужно призывать. Думаю, надо постараться максимально нормализовать ситуацию, но она может выйти из-под контроля. Было бы полезно, если бы Вы могли связаться с сирийцами, прежде чем связываться с египтянами.

В: Вчера я сидел рядом с сирийским исполнительным министром и министром иностранных дел, но они ничего об этом не сказали.

К: Вчера я сидел рядом с министром иностранных дел Египта, но он ничего не сказал.

...

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИЗРАИЛЯ ЭБАН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

8:50 утра

Э: Я получил сообщение четверть часа назад, по крайней мере, о том, что сирийцы атаковали в два часа ночи с применением артиллерии и авиабомб на Голанах и Шмоне – тогда из Сирии, – и следующей новостью было то, что египтяне также [устроили] воздушный налет в месте, называемом [неразборчиво] на Синае, и [предприняли] попытки пересечь канал.

К: Есть ли у Вас какие-либо сообщения о вашей реакции?

Э: Нет, это была первая новость, которую я получил.

К: У меня есть сообщение от египтян, утверждающих, что вы начали все с военно-морской атаки вблизи Сирии возле каких-то нефтяных месторождений.

Э: У нас ничего по этому поводу нет.

К: Я сам не верю, что вы начнете общую войну с морской атаки в каком-то одном месте, но вы всегда делаете поразительные вещи. Не могли бы Вы рассказать мне конкретные факты?

Э: Они сказали, что первым шагом было нападение с моря?

К: Они заявляют, что первый ход.

Э: К югу от Суэца?

К: К югу от канала. Министр иностранных дел Египта позвонил мне и назвал какое-то имя, но это было арабское имя. Если вы атаковали какое-то место, вы, вероятно, знали, где это было.

Э: Да. Это совсем неубедительно. Новости, предшествующие этому, – был очень беспорядочный исход советских людей из [Сирии]. Это есть у Вас?

К: У меня есть свои новости, и я обратил на них внимание Советов.

...

ГЕНЕРАЛ СКОУКРОФТ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

8:50 [?] утра

...

С: Вы разговаривали с президентом?

К: Да. Вы доставили все сообщения Добрынину?

С: Да. Сообщения у него. Через две минуты состоится заседание ВГСД.

К: Скажи им, чтобы они сохраняли спокойствие. Любые высказывания будут делаться из Ки-Бискейна или [официальным представителем Госдепартамента Робертом] Маккლოსки. Распорядитесь, чтобы флот был там, где надо; если мы хотим, чтобы они двигались, они могут двигаться; и узнайте, как долго их собирать всех в одном месте. Какие возможны подкрепления. Получите к полудню план от [председателя объединенного комитета начальников штабов адмирала Томаса] Мурера, чтобы посмотреть, что мы сможем предпринять, если ситуация выйдет из-под контроля, и скажите МО [министерству обороны], чтобы они молчали о военных действиях или о чем-то еще. Если им понадобится указ президента, я получу его в письменной форме.

С: В точку! Я сказал об этом МО и ЦРУ.

К: ЦРУ – это не проблема, но также расскажите и начальникам штабов. Узнайте у Мурера, какие силы доступны для движения через всю Атлантику и как быстро это можно сделать.

С: Эти два авианосца, вероятно, не могут вернуть войска на борт, так как сейчас выходные.

К: Узнайте к полудню, сколько времени это займет. И какие дополнительные силы имеются. Никто не должен ничего предпринимать, но они должны приготовиться к действиям. Я бы не стал отзывать войска до полудня. Они должны получить возможность сделать это, если получат приказ.

ПОСЛАННИК ШАЛЕВ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

9:00 утра

Ш: Самое последнее, что есть у меня – это полномасштабные боевые действия вдоль Суэцкого канала с египтянами, пытающимися перейти нашу линию границы. Они бомбили различные места на Синае. История о некоем морском сражении – прикрытие их действий.

К: Верно. Мне нужно как можно больше фактов об этой морской битве, даже если она не состоялась. Вы меня вполне убедили, господин посланник. Ясно, что главное действие происходит в районе Суэцкого канала и на Голанских высотах. Мы будем признательны за получение как можно больше информации.

Ш: Я передаю все, что получаю. Я передам все лично Вам.

К: Хорошо. Я еще не решил, оставаться здесь или отправиться в Вашингтон. Днем, наверное, поеду в Вашингтон. Вас проинформируют.

Ш: Спасибо.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИЗРАИЛЯ ЭБАН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

9:07 утра

Э: Премьер просила меня сказать Вам, что история про наши военно-морские действия в Суэцком заливе – это чистая ложь. У нее очень богатый словарный запас на иврите, и она выплеснула его. Я спросил о нашей акции на данный момент. Наши ответные действия до сих пор носили оборонительный характер. Я полагаю, что это означает действия в пределах нашей территории.

К: Собираетесь ли вы обратиться в Совет Безопасности?

Э: Она попросила меня немного подождать, но сообщить об этом Генеральному секретарю ООН.

К: Что Вы думаете об обращении в Совет Безопасности?

Э: Я спрошу об этом. В этом есть свой резон. Если бы мы так поступили, я думаю, это будет очком в нашу пользу. Я рекомендовал это, и, если это решение будет принято, мы будем пострадавшей стороной.

К: Вы советуете нам этого не делать.

Э: Пока есть возможность сделать это быстро именно нам, я думаю, так будет более естественно.

К: Не могли бы Вы дать мне знать? Узнайте об этом.

Э: Разумеется.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВАЛЬДХАЙМ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

9:12 утра

В: Я хотел предоставить Вам самую свежую информацию, которую мы получили от наших подразделений наблюдателей. Бои идут во всех секторах. Египетские сухопутные войска пересекли канал в пяти местах. У нас сложилось впечатление, что это действительно крупномасштабная операция, и далее говорится, что сирийские войска пересекли линии границ вблизи и к югу от Канетры. Речь идет о телеграмме, которую мы получили несколько минут назад.

К: Большое спасибо. Я ценю это, и мы ответим Вам взаимностью, сообщая Вам все, что узнаем.

К моменту моего разговора с Вальдхаймом Вашингтонская группа специальных действий (ВГСД) собралась в 9:00 утра. (Это была группа кризисного управления администрации Никсона, возглавляемая советником по национальной безопасности и включающая заместителей государственного секретаря и министра обороны, директора Центрального разведывательного управления и председателя объединенного комитета начальников штабов. Brent Скоукрофт исполнял мои обязанности, пока я находился в Нью-Йорке.) Даже с учетом доступной на то время информации, как оказалось, участники не смогли изменить предубеждения, с которыми они вошли в кризис:

«Мы [спецслужбы] не можем найти веских доказательств крупного, скоординированного египетско-сирийского наступления через канал и в районе Голанских высот. Скорее масса свидетельств указывает на ситуацию действия-противодействия, когда серия ответов каждой стороны на предполагаемые угрозы создавала все более опасный потенциал для конфронтации. Нынешние боевые действия, по-видимому, являются результатом этой ситуации, хотя мы не в состоянии прояснить последовательность событий. Вполне возможно, что египтяне или сирийцы, особенно последние, могли готовить рейд или другое небольшое по своему масштабу действие».

Никаких расхождений не было. Также не было объяснения тому, как Сирию и Египет смогли спровоцировать на одновременную атаку на фронтах, отделенных друг от друга на триста с лишним километров, упомянутой серией «действие-противодействие». Директор ЦРУ Уильям Колби без высказывания возражений доложил, что, согласно радио Дамаска, нападение было совершено Израилем. Министр обороны Джеймс Шлезингер прокомментировал, что, хотя репутация Сирии как источника правдивости невысока, это будет первый раз за двадцать лет, когда не Израиль начинает ближневосточную войну: «Я просто не вижу никаких мотивов с египетско-сирийской стороны». Адмирал Мурер полагал, что Израиль мог атаковать для того, чтобы предотвратить задействование более совершенных средств противовоздушной обороны в Египте и Сирии. Только Альфред Л. (Рой) Атертон, заместитель Сиско, нарушил

общее согласие: «Это последний день в году, когда они [израильяне] что-то начали бы. И не было никаких признаков предварительных израильских приготовлений».

Все сомнения в том, что происходит, у меня развеялись, о чем свидетельствует следующий телефонный разговор с Добрыниным.

ПОСОЛ ДОБРЫНИН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

9:20 утра

К: По нашим сведениям, египтяне и сирийцы атаковали на всех своих фронтах, а также...

Д: Включая канал?

К: Канал и Голанские высоты. Зайят утверждает, что Израиль начал военно-морскую атаку на какое-то отдельное место в Суэцком заливе и это дало толчок всему этому.

Д: Я видел на новостной ленте телетайпа, они утверждают, что Израиль начал [именно эту] атаку. Зайят сказал Вам.

К: Он сказал мне, не вдоль Суэцкого канала, а в Суэцком заливе. Нам всем придется занять официальные позиции. Мы с Вами оба знаем, что это вздор; если они собираются атаковать, они не стали бы нападать в Суэцком заливе, и не в ключевых точках. Не в их стиле.

Д: Я понимаю.

К: Как получается, что сирийцы и египтяне начинают в одну и ту же минуту – по всему фронту? Если все началось с израильской военно-морской атаки, у нас с вами возникает проблема, как остановить это. Мы используем максимальное влияние на израильян, чтобы израильяне проявляли сдержанность. Пока они говорят мне, что свои контрмеры они ограничивают собственной территорией и что они не совершили глубокого проникновения на арабскую территорию. Но Вы знаете их так же хорошо, как и я, и это [израильская сдержанность] продлится недолго.

Д: Хорошо. Я отправлю дополнительное сообщение в Москву. Настоящее безумие.

К: Полное безумие. Я, наверное, вернусь в Вашингтон днем, и нам нужно срочно встретиться. Думаю, нам следует использовать эту возможность, чтобы, во-первых, не допустить, чтобы все, чего мы достигли, разрушили маньяки с обеих сторон, а после того, как все успокоится, посмотреть, что можно сделать конструктивного.

Д: Хорошо. Большое спасибо.

ПРЕЗИДЕНТ РИЧАРД М. НИКСОН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

9:25 утра

Н: Привет, Генри. Я хотел, чтобы Вы знали, что я здесь в курсе всех событий. Русские утверждают, что удивлены.

К: Русские утверждают, что были удивлены, и у меня сложилось впечатление, что они должны были быть удивлены, потому что, по всей видимости, в последние два или три дня происходит переброска по воздуху их граждан из этого района.

Н: Согласен.

К: И поэтому у нас сложилось впечатление, что они знали об этом или знали, что это возможно. Нас они не предупредили.

Н: Что сейчас происходит? Какова ситуация?

К: Бои начались на Голанских высотах и вдоль Синая. Египтяне утверждают, что израильяне предприняли военно-морскую атаку в Суэцком заливе, которая спровоцировала все это. Я просто не могу поверить в это. Почему атака с моря? Израильяне утверждают, что

до сих пор бои по-прежнему ведутся в основном на израильской территории и что они ограничили оборонительными действиями. Мне лично кажется, что эти вооруженные столкновения почти наверняка были начаты арабами. Почти немыслимо, чтобы израильтяне начали сражения в самый священный для евреев праздник, когда в этом нет необходимости, и нет никакого доказательства того, что израильтяне начали воздушные атаки, а они дали нам заверения – которые мы передали сегодня утром, – что они не начнут превентивную атаку, и мы сказали арабам, что, если израильтяне начнут превентивную атаку, мы будем противостоять им и им следует проявлять сдержанность. Я считаю, что основная проблема состоит в том, чтобы добиться прекращения боевых действий, а затем использовать эту возможность, чтобы установить, можно ли достичь урегулирования.

Н: Вы имеете в виду дипломатическое урегулирование более серьезной проблемы [общего ближневосточного кризиса]?

К: Верно. Заседание Совета Безопасности состоится почти наверняка сегодня, а мы все еще обсуждаем, должны ли мы его созвать, или должны израильтяне. Кто-то должен созвать заседание в ближайший час.

Н: Я думаю, нам следует. Мы должны проявить инициативу. Разве мы не можем заставить русских подключиться? Я думаю, мы должны проявить инициативу, и Вы должны указать, что разговаривали со мной.

К: Позвольте мне сразу позвонить Добрынину по этому поводу. В дебатах будет много всяких диких обвинений.

Н: Не принимайте чью-то конкретную сторону. Никто никогда не знает, кто там развязывает войны.

К: Есть две проблемы. В долгосрочной перспективе, я думаю, это непросто теперь – сохранить статус-кво анте беллум, ситуацию, которая существовала до начала военных действий. Мы должны избегать того, чтобы Советы оказались втянутыми на стороне арабской группы. Если они присоединятся к нам в нейтральном подходе, при котором мы оба говорим, что не знаем, кто это начал, но что мы хотим остановить это, то это было бы лучше всего – чем если бы они выступили в защиту арабов. Но сначала мы должны посмотреть, присоединятся ли они к нам в нейтральном подходе – это будет лучше всего.

Н: Сообщите мне, что в итоге случится.

К: Мы отправили Вам отчет час назад, но он уже устарел. Возможно, я вернусь в Вашингтон сегодня.

Н: Хорошо, спасибо.

ПОСОЛ ДОБРЫНИН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

9:35 утра

К: Я только что разговаривал с президентом, и он попросил меня сделать Вам следующее предложение. Несомненно, сегодня состоится заседание Совета Безопасности, не так ли?

Д: Думаю, что да. Потому что ситуация очень опасная.

К: Мы были бы готовы занять нейтральную позицию в Совете в том, что касается фактов по существу вопроса, требуя, с учетом того, что мы не знали, кто что начал, но мы поддерживаем [то самое] предыдущее до начала конфликта состояние, статус-кво анте.

Д: Ваше предложение – восстановление линии прекращения огня [1967 года] [то есть довоенной линии]?

К: Восстановление линии прекращения огня и возобновление режима прекращения огня, а затем создание комиссии по установлению фактов. Мы готовы продолжить обсуждения,

которые [министр иностранных дел СССР Андрей] Громыко, и я, и президент договорились урегулировать.

Д: Вне Совета Безопасности?

К: Да.

Д: Только между нами?

К: Верно. Мы готовы смотреть на ситуацию в целом. Теперь, если вы займете позицию, согласно которой вам требуется защищать арабов, мы будем вынуждены занять позицию защищать то, во что мы верим, – дать понять, что мы верим, что арабы начали атаку, и тогда мы окажемся в ситуации, в которой сам черт голову сломит. Это сильно повлияет на наши отношения.

Д: Я понимаю.

К: Со стороны Москвы было бы весьма конструктивно, если бы обе наши стороны заняли позицию, что у нас нет [не было] времени обсуждать, кто что начал. Давайте прекратим боевые действия, восстановим линию прекращения огня и призовем все стороны соблюдать линию прекращения огня.

Д: Я думаю, это конструктивный способ начать действовать.

К: Мы притормозим все, пока не получим известие от вас. Вы можете получить быстрый ответ на наше предложение?

...

Дипломатические танцы в ООН

Стало очевидно, что началась война. Но орган Организации Объединенных Наций, призванный помогать поддерживать мир или восстанавливать его, был пассивен. Нежелание официальных лиц быть вовлеченными в этот процесс соответствовало нежеланию сторон, чтобы Организация Объединенных Наций занимала какую-то определенную позицию. Но, по мере продолжения войны, вопрос непременно должен был быть передан в Организацию Объединенных Наций, хотя бы только для утверждения результата. В связи с этим возникли два вопроса: соответствующий форум и тактика внутри него. Что касается форума, то было два выбора: Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности. Мы не хотели, чтобы Генеральная Ассамблея была таким форумом, потому что неприсоединившиеся (группа примерно из восьмидесяти стран) поддержали бы арабскую сторону. Европейцы будут в лучшем случае занимать двойственную позицию, а у советского блока не будет иного выбора, кроме как согласиться с большинством развивающихся стран, даже если Советский Союз не стоял во главе. Таким образом, сбалансированный исход был бы практически невозможен. Состав Совета Безопасности предоставил бы больше возможностей, и в любом случае у нас там было право вето. Наша стратегия – как она отражена в 9:25 утра в моем разговоре с Никсоном – состояла в том, чтобы использовать господствовавшую тогда политику разрядки для поиска совместного подхода с Советским Союзом. Это было сделано для того, чтобы не допустить превращения Советского Союза в рупор арабской стороны, изолирования нас в исламском мире и отделения нас от Европы. Более того, это также помогло бы выиграть время, чтобы позволить прояснить военную ситуацию, поскольку мы все еще были убеждены, что нам скоро придется иметь дело с политическими последствиями быстрой победы Израиля.

СЭР ЛОУРЕНС МАКИНТАЙР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

10:08 утра

К: Я хотел бы переговорить с Вами о нашем общем представлении относительно ближневосточной проблемы, как Вы, несомненно, знаете.

М: Да.

К: Сегодня утром нам срочно позвонил наш посол в Израиле, о том, что они там считают, что нападение неминуемо, и они просили нас использовать свое влияние, а также заверить другие заинтересованные стороны, что они не будут наносить превентивный удар. Мы сделали это, и я позвонил министру иностранных дел Египта, послу СССР и т. д. События, кажется, нас опередили. Сейчас мы консультируемся с различными сторонами и выбираем, в какое время лучше всего провести заседание Совета Безопасности. Мы будем держать Вас в курсе любых решений, к которым мы придем. Будем признательны за любые сделанные Вами выводы. Мы хотели бы получить представление о том, что будет происходить на заседании Совета Безопасности, прежде чем мы пойдем на его созыв. Я очень откровенно говорю Вам о том, что мы предпринимаем.

М: Я Вам поистине весьма благодарен. Я хотел бы упомянуть, что постоянный представитель Израиля позвонил мне, чтобы попросить не созывать заседание, а просто для того, чтобы рассказать о том, что произошло, как он это понимает. И, кроме того, он также сказал мне, что разговаривал с вашим представительством здесь и что идут некоторые консультации, и пообещал, так или иначе, информировать меня обо всем, что будет происходить. Вот такова

ситуация на данный момент. Я никакой информации не получал от египтян или других арабских представителей.

К: У меня был краткий разговор с генеральным секретарем, чтобы сообщить ему о том, что мы проделали. Разумеется, мы считаем, что это вопрос Совета Безопасности, а не Генеральной Ассамблеи.

М: Да. Откуда Вы говорите?

К: Из «Уолдорфа». Где я готовил речь, посвященную миру на земле, – если Вы хотите внести какие-то предложения по соответствующим темам.

М: Я подумаю об этом.

К: Я не целиком поглощен этим делом. Я действительно хотел сказать одну вещь: если будет заседание и когда оно состоится, мы сделаем все возможное и мы будем признательны за любую помощь, которую мы сможем получить, чтобы поддерживать его на максимально возможном уровне, и не допустим никакой грязной игры. Вы понимаете всю сложность ситуации, которая чревата ухудшением, а мы стараемся этого избежать.

...

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВАЛЬДХАЙМ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

10:22 утра

В: Я хотел Вам сказать следующее. Мы получили подтверждение от наших наблюдателей на Ближнем Востоке того, что Вы мне сказали: ведутся ожесточенные бои на египетской и сирийской границах. Нет боев по иорданской границе. Они отметили, что пришлют более подробные отчеты, как только получат больше информации от наших наблюдателей. У меня был разговор с [министром иностранных дел Египта] Зайятом, и он просит созвать заседание Генеральной Ассамблеи. Я сказал ему, что сомневаюсь, что это – технически – возможно сделать. Сомневаюсь, что мы смогли бы собраться так быстро. Я спросил его о запросе относительно заседания Совета Безопасности. Пока у него нет инструкций, но он пришлет нам какой-то документ и попросит распространить эти документы.

К: Мы считаем, что сначала вопрос должен быть рассмотрен в Совете Безопасности.

В: Совершенно верно. Я не думаю, что у Генеральной Ассамблеи есть такие возможности. До понедельника это технически просто невозможно. Я действительно считаю, что это дело Совета Безопасности. Я задал ему [Зайяту] этот вопрос, и он сказал, что у него нет указаний на сей счет. Я выразил свою глубокую озабоченность и сказал ему, что они должны сделать все, чтобы сбить накал страстей в этой ситуации. Он довольно сильно рассердился и сказал: «Мы не нападаем. Это делают другие» – и так далее.

К: По нашей информации – по нашему впечатлению, – все наоборот. Для Вашей лично информации – и не делитесь ею с другими, – мы ведем переговоры с Советами, чтобы посмотреть, сможем ли выработать общий подход в Совете Безопасности. Пока у нас этого не будет, я думаю, если может быть небольшая задержка, если кто-то будет настаивать на встрече, чего еще фактически не происходило, пока не получим советскую реакцию, если мы немного потянем, то только для того, чтобы заполучить реакцию Советского Союза. Я так понимаю, никто не запрашивал.

В: Никто.

К: Наша точка зрения – это вопрос о [конкретном] мире и безопасности, и это проблема Совета Безопасности, а заседание Генеральной Ассамблеи было бы пустой тратой времени, и против этого мы стали бы выступать.

В: Я отсоветовал Зайяту.

К: Мы будем против, даже в понедельник. Я хочу, чтобы это было ясно и понятно.

В: Я рад, что Вы мне это сказали.

К: Мы пытаемся провести конструктивное заседание Совета Безопасности, и, для Вашего личного сведения, мы пытаемся рассчитать, можно ли выработать общий подход с Советами для восстановления прекращения огня и границ на момент прекращения огня. Если это удастся сделать, кто-нибудь созовет заседание Совета Безопасности.

В: Это был бы самый лучший подход. Надеюсь, это сработает. Если возникнут вопросы, я Вам позвоню.

К: Если Вы позвоните мне – и это даст двум правительствам шанс согласовать свои действия.

В: Верно. Считаю важным поддерживать тесный контакт. Не думаете ли Вы, что Советы побоятся сделать это из-за своих отношений с арабами?

К: Им тоже нужно волноваться, если они побоятся из-за своих отношений с нами.

В: Я думаю, что такой подход очень хороший, и я надеюсь на общий подход.

К: Опять же, между нами – моя оценка такая же, как и ваша, что они не пойдут на это.

В: Я знаю по своему опыту, что они очень заинтересованы в том, чтобы не сделать ничего такого, что могло бы создать впечатление, будто они работают против арабов; или сделать что-либо, что негативно сказалось бы на их отношениях с арабами.

К: Я думаю, что очень важно попробовать, что мы должны попытаться это сделать. Пока никто не просил о заседании, и мы не будем просить о нем, пока не получим советский ответ. Если Вы можете этого избежать – я знаю Вашу позицию. Если Вы можете отложить заседание, пока мы не получим советский ответ; если кто-нибудь спросит...

...

ГЕНЕРАЛ ХЕЙГ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

10:35 утра

К: Я хотел проинформировать Вас о том, как обстоят дела на данный момент, и рассказать о своей стратегии. Возможно, Вам придется успокоить некоторых людей.

Х: Хорошо. Я сижу с президентом.

К: Хорошо. Египтяне пересекли канал в пяти местах, а сирийцы проникли на Голанские высоты в двух местах. Эту информацию мы получаем от наблюдателей ООН. Наша оценка здесь основана на фактах; невозможно себе представить, чтобы атака израильтян [если бы такая имела место] была провернута за два часа и заставила бы египтян пересечь канал.

Х: В этом нет сомнений.

К: Непостижимо. Мы должны предполагать нападение со стороны арабов.

Х: Я считаю, что и президент думает так же.

К: Под вопросом следующее: это стовор с СССР или вопреки советскому противодействию. На этот вопрос у нас пока нет ответа. [Что касается] нашей общественной позиции, я позвонил прежде всего Генеральному секретарю – который не может ничего держать в секрете, – чтобы рассказать ему обо всех предпринятых нами усилиях, и сказал ему, что был в контакте с Советами. Я связался с Добрыниным и сказал, что мы должны совместно созвать [заседание] Совет Безопасности. Советы и мы. И мы совместно предлагаем резолюцию, призывающую к прекращению боевых действий и возвращению к линиям прекращения огня, установленным в 1967 году. Я сказал им, что это будет признаком доброй воли по отношению к нам обоим и мы не будем просить созыва [заседания] Совета Безопасности, пока не получим от них известий. Я проинформировал об этом генерального секретаря. Добрынин сказал, что ждет ответ из Москвы. Частично это сделано для того, чтобы вывести Советы на чистую воду. Если они хотят прекратить боевые действия, это быстро их остановит. Если они откажутся это

делать, то нам придется предположить наличие некоего сговора. Теперь, если они откажутся это сделать, у нас возникнут две проблемы. Первая – добиться прекращения боевых действий, а вторая – долгосрочная политика. Чтобы прекратить боевые действия, мы не можем создать у Советов и арабов впечатление, будто мы слишком далеко отделимся от израильтян. Это будет содействовать продолжению их действий.

Х: Верно.

К: Таким образом, что касается сути вопроса. Если Советы не станут сотрудничать с нами, мы займем нейтральную позицию. Мы скажем, что не знаем фактов, но они должны прекратить боевые действия. Вы понимаете, о чем я?

Х: Верно.

К: Если Советы не будут сотрудничать с нами непосредственно по вопросу о боевых действиях и безоговорочно поддержат арабов, мы, по моему мнению, должны будем склониться в сторону израильтян.

Х: Верно.

К: По следующим причинам: 1) чтобы прекратить боевые действия; 2) не дать Советам разбушеваться и пользоваться недозволенными приемами и 3) получить стопроцентные гарантии из-за отмежевания от израильтян в последующих попытках добиться урегулирования. Все сейчас зависит от советской реакции. Затем, после того как мы добьемся прекращения боевых действий, мы должны использовать этот кризис как средство для начала дипломатии. Отныне нет больше оправдания никаким задержкам. Возврат к прекращению огня будет иметь два аспекта. Если сегодня проблема означает, что арабы должны будут уступить небольшую территорию – по моим оценкам, начиная с завтрашнего вечера [арабы] должны будут уступить территорию [в результате военного поражения]. По-моему, если израильтяне получают территориальные приобретения, мы должны жестко обрушиться на них, чтобы заставить от них откатиться. Понимаете.

Х: Да.

К: Мы должны сделать это в случае с арабами, но я думаю, что это затруднение у нас будет ненадолго.

Х: Да. Если только мы не столкнемся с ужасным разложением там.

К: Это именно та стратегия, которую я предлагаю. Я думаю, у нас нет выбора. Я думаю, что худшее, что мы могли бы сделать, – это занять некую нейтральную позицию во время боевых действий, если только Советский Союз не займет нейтральную позицию вместе с нами. Если они займут ее вместе с нами, мы должны занять нейтральную позицию. Это идеально. Если они не присоединятся к нам и перейдут на другую сторону, мы утратим контроль над ситуацией.

...

К: Если Советы полностью встанут на другую сторону, у нас будет зловредный случай сговора, а затем снова наступит сентябрь 1970 года [когда советский союзник Сирия вторглась в Иорданию], и нам лучше тогда твердо стоять на занятой позиции.

Х: Президент серьезно подумывает о возвращении в Вашингтон.

К: Я считаю это серьезной ошибкой. Сейчас мы ничего не можем сделать. Вам следует подождать, чтобы увидеть, как все будет развиваться. Подождите хотя бы до полудня. Пока не создано даже заседание Совета Безопасности.

Х: Он согласен с этим. Его проблема в том, что, если это будет тотальная война, сидеть здесь, в таком климате, было бы очень и очень плохо.

К: Подождем советского ответа. Если Советы откажутся сотрудничать с нами, мы будем знать, что находимся в состоянии конфронтации, и тогда он должен взять на себя руководство.

...

К: Вы должны убедиться, что президенту нравится эта стратегия. Я думаю, что это наш единственно возможный курс и его следует рассматривать в общем контексте его способности действовать и того, что последует дальше.

Х: Предприняты ли меры, чтобы флот занял достойную позицию? Президент озабочен этим.

К: Все правильно. Флот был проинструктирован занять позицию на грани мобилизации и приказа команде занять свои места на кораблях. Экипажи должны быть размещены, чтобы иметь несколько часов до начала перемещения.

Х: Он действительно хочет, чтобы они были собраны как можно скорее для принятия соответствующих мер в случае необходимости.

К: Это делается, но мы хотели подождать, пока сообщения не будут подтверждены и распоряжения будут отданы в течение одного часа. Им нужно столько времени, чтобы определить местонахождение своих людей.

Х: Я снова свяжусь после обсуждения этого вопроса с президентом.

Последовало несколько телефонных звонков по реализации стратегии.

ПОСЛАННИК ШАЛЕВ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

10:55 утра

Ш: Премьер-министр хочет лично заверить Вас на основе доверия, которое существует между Вами и нею, в том, что нападения были инициированы другими.

К: Это наша оценка тоже, и я только что сказал об этом президенту.

Ш: Что касается конкретных вопросов военно-морского сражения, о которых говорили египтяне, в этом нет ни доли правды.

К: Я не могу поверить в то, что вы бы начали военно-морское сражение и вынудили арабов пересечь Суэцкий канал.

Ш: Она выступит по радио через несколько минут.

К: Я хочу, чтобы Вы проинформировали премьер-министра лично о том, что мы предложили Советам, что мы совместно созываем – США и Советский Союз – заседание Совета Безопасности и [для] возврата к линии на момент прекращения огня. [Это] попытка прижать их к стенке, чтобы увидеть, стоят ли они за этим, и дать нам основание для того, чтобы склониться к вашей позиции во время конкретных дебатов. Это только для премьер-министра.

Ш: Я передам это ей. Вы не получили на это ответа?

К: Нет. Я позвоню Вам, как только получу ответ.

Ш: Я хочу поднять один вопрос – наши военные представили список срочно необходимого, вещей, которые им потребовались в спешном порядке.

К: Я вернусь сегодня вечером, и нам лучше обсудить это лично.

СЕНАТОР ДЖЕЙКОБ ДЖАВИТС

(РЕСПУБЛИКАНЕЦ – ШТАТ НЬЮ-ЙОРК) – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

11:01 утра

Д: Вполне типичный Иом-кипур. Что Вы можете доложить?

К: Моя личная оценка, которую я не хочу, чтобы Вы повторяли, – это явно арабское нападение...

Д: Как Вы думаете, что привело к такому состоянию?

К: То, что мы должны определить сейчас, Джек, – был ли советский сговор или нет. Мы предложили Советам совместные действия в Совете Безопасности по восстановлению прекращения огня и границ на момент прекращения огня, с одобрения израильтян. Это должно их прижать к стенке.

Д: Все будет аннулировано, если эти ребята – если они приложат какие-либо усилия.

К: Суть резолюции состоит в том, чтобы вернуться к линии прекращения огня.

Дж: Я знаю, что дипломатия будет работать именно таким образом, но все это может очень, очень сильно пострадать, если арабы добьются успеха. С ними будет очень тяжело иметь дело.

К: По нашим оценкам, израильтяне были совершенно удивлены, что, вполне вероятно, с учетом Иом-кипура, они могли бы оказаться в самом худшем положении за всю историю.

...

Д: У президента была какая-то реакция?

К: Я разговаривал с ним, и если он согласится с тем, что [если] это похоже на советский сговор, мы должны вновь повторить сентябрь 1970 года [когда Соединенные Штаты оказали отпор сирийскому вторжению в Иорданию]. Если это советский сговор, нам будет очень плохо. Если они отойдут от арабов, мы отойдем от них и останемся нейтральными. Мы предполагаем, что израильтяне могут позаботиться о себе сами. Если это не так, мы должны вернуться на исходные позиции.

Д: То, что я услышал, меня не очень обрадовало.

К: Мы поддерживаем самые тесные связи с израильтянами. Мы не делаем и шага, не обсудив все это с ними.

ПОСОЛ ДОБРЫНИН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

11:25 утра

К: Я справляюсь по поводу Совета Безопасности. Мне сказали, что египтяне просили о созыве заседания Генеральной Ассамблеи. Но невозможно провести Генеральную Ассамблею до понедельника, и в любом случае есть угроза миру и безопасности, и мы их не добьемся в Генеральной Ассамблее.

Д: Я понимаю.

К: Это печальное предположение. Мы не можем это принять.

Д: Я понимаю.

К: Я снова разговаривал с президентом, и он хотел, чтобы я позвонил Вам и еще раз подчеркнул его очень серьезную озабоченность, чтобы это не было использовано для уничтожения всего того, на создание чего у нас ушло три года.

Д: Кем?

К: Любым из нас.

Д: Кто на самом деле?

К: Если вы займете позицию, полностью поддерживающую арабов, это будет фактически способствовать тому, что нам явно кажется нападением арабов; никто в здравом уме не верит, что египтяне могли пересечь канал в пяти местах. Я был бы рад получить ваш военный анализ по этому поводу. Поскольку все бои [ведутся] на территории Израиля, я думаю, что факты ясны. Мы готовы в Совете Безопасности занять нейтральную позицию, если и вы так поступите, и мы готовы принять совместную резолюцию, просто призывающую к [вернуться к] линии прекращения огня.

Д: Я понимаю и отправил это.

К: Сегодня арабы находятся на территории Израиля, но мы не думаем, что это продлится трое суток, а после этого проблема будет состоять в том, чтобы вернуть израильтян к линии прекращения огня. Если мы согласимся с этим курсом, независимо от того, какие военные операции имели место, какими бы успешными ни были израильтяне, мы будем придерживаться этого предложения и будем готовы им противостоять.

Д: Как вы говорите, вернемся к линии прекращения огня. Я понимаю.

К: Верно.

Д: По сути, это то, что вы упомянули.

К: Мы не ответили на срочную просьбу Израиля о дополнительных военных поставках. Если все выйдет из-под контроля, мы будем вынуждены это сделать. По всем этим причинам для наших собственных отношений будет важно, чтобы они решались совместно как можно в большей степени, и Вы должны сказать это Генеральному секретарю от имени президента – он только что говорил со мной. Я возвращаюсь в Вашингтон сегодня после полудня и тогда свяжусь с Вами.

Д: Хорошо.

К: Причина, по которой я надеюсь, что мы уладим это, в том, что Вы не уехали из города.

Д: Если бы Вы не позвонили мне до 9 утра, я бы уехал сегодня. Мы планировали семейный ужин в нашем особняке в Мэриленде и собирались на отдых. Вы видите, как это происходит. Надеюсь, мы справимся.

К: Ваши арабские друзья были ужасно лживы. Зайят сказал мне, что будет, по крайней мере, три месяца тишины, и он снова встретится со мной в ноябре, и он хотел приехать в Вашингтон на следующей неделе, и со времени наших бесед и беседы президента с Громыко мы полагали, что у нас есть этот период времени, чтобы выработать разумный подход.

Д: У меня такое же впечатление.

К: Мы очень серьезно относимся к этому вопросу. Если Вы сообщите об этом своим коллегам, мы будем признательны, – и как можно быстрее.

**СЭР ДОНАЛЬД МЕЙТЛЕНД, ПОСОЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ – КИССИНДЖЕР**

Суббота, 6 октября 1973 года

11:35 утра

К: Я только что получил Ваше сообщение о Ваших взглядах относительно Совета Безопасности. Я хотел, чтобы Вы знали, что мы обратились к Советам с просьбой занять совместную с нами позицию, прося их [участников боевых действий] вернуться к линии прекращения огня и прекращению огня, а также занять нейтральную позицию.

М: Совершенно верно.

К: Нам интересно, согласны ли Вы, пока мы не получим известие от Советов, с тем, что мы будем пытаться отложить встречу.

М: Я понимаю Ваши доводы.

К: Нас мучает одна проблема. Пока мы устанавливаем факты, то, может быть, труднее станет добиться такой резолюции. И, как представляется, у нас нет никаких сомнений в том, что эту операцию начали арабы.

М: Вполне вероятно. Наше правительство без каких-либо консультаций или каких-либо двусторонних отношений за пределами страны...

К: Наше предложение – сделать это в Совете Безопасности. Мы чувствуем, что, пока мы делаем это, не могли бы мы проявить себя в делах и призвать к прекращению огня, вернуться к исходной линии и сделать перерыв, чтобы дать возможность нашей реальной работе продолжаться.

М: Я не уверен, что Советский Союз согласится с этим. Но когда, как Вы думаете, проделать все это?

К: Мы полагали, что не должны пропускать сегодняшний день.

М: Я согласен с этим.

К: Сегодня утром мы никуда не торопимся. Я рассчитывал на вторую половину дня.

М: Я согласен с Вами в этом, если бы Вы могли сказать...

К: Я стараюсь вернуться в Вашингтон, и я пытаюсь провести два часа в тишине, чтобы это проделать. В качестве своего рода общего предложения, если у Вас есть желание, скажем, в 2 или 3 часа дня созвать встречу, [это] не будет звучать для нас неразумным.

М: Это то, что мы имели в виду.

К: Нам нужно еще пару часов сегодня.

М: Я бы не стал вмешиваться в это. Мы считали, что неправильно, когда мир знает, что эти крупномасштабные операции действительно продолжаются, а мы никак не отреагировали публично.

К: Нет проблем с нами в связи с этим.

...

ПОСЛАННИК ШАЛЕВ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

11:55 утра

К: Я снова разговаривал с президентом и с Советами. Хочу, чтобы Вы знали, что мы делаем. Мы собираем наш флот в Средиземном море и [начнем] продвигать его к восточному Средиземноморью. Это займет у нас около 12 часов. Мы почти наверняка завтра одобрим поставку военной техники в разумных пределах, которая может вам понадобиться, особенно если Советы встанут на сторону арабов; тогда мы уж точно обязательно это сделаем.

Ш: Уж постарайтесь.

К: Если Советы объединятся в ООН с арабами, мы, несомненно, это сделаем, а если нет, то, вероятно, сделаем это, но мы просто хотим посмотреть. Но были бы весьма признательны вам за подлинную картину военной ситуации, которую, по Вашему мнению, вы можете сообщить нам, чтобы мы могли сделать наши оценки, а также любые Ваши планы. Мы собираемся предложить, когда будет заседание Совета Безопасности, независимо от согласия Советов, что режим прекращения огня должен быть восстановлен, равно как и линии прекращения огня.

Ш: И Вы сделаете это независимо от их согласия или нет.

К: Мы подождем несколько часов в расчете на получение их согласия. Если нет, то мы договорились с британцами, и они созовут заседание, а мы затем предложим это.

...

Ш: Хорошо.

К: Мы не собираемся делать это до 2–3 часов дня для созыва заседания в 15:00 или 18:00 сегодня. И все, что мы станем делать, так это просить о прекращении огня и о возвращении к линиям прекращения огня. Британцы готовы сказать, что, по их мнению, это начали арабы.

Ш: Я думаю, это совершенно ясно. Об этом также сообщили наблюдатели ООН с обоих фронтов.

К: По сути, вопросов нет.

[...]

ГЕНЕРАЛ ХЕЙГ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

12:45

...

Х: Мы возвращаемся в Вашингтон.

К: Что он собирается делать?

Х: Возможно, у нас будет объявление о вице-президенте. Это первое.

К: Это несколько иная проблема.

Х: Да уж, конечно, и я говорю Вам, что эти двое будут увязаны вместе. Он не может сидеть здесь, на солнышке, при том, что происходит с делом, касающимся вице-президента. Это еще не точно, но мы узнаем об этом очень скоро.

К: Если сыграет этот второй фактор, то я вижу причину для возвращения с точки зрения дипломатии. Я отложил бы его возвращение немного на попозже. Предположим, что Советы займут жесткую позицию, и, если он затем вернется, это будет хорошим ходом. Если он вернется раньше, это будет похоже на истерику. Я высказываю Вам свое искреннее мнение. Если бы Советы заняли такую позицию и наплевали бы нам в лицо, это означало бы, что возвращение [президента] является сигналом того, что дела становятся серьезными. До 15:00 мы вряд ли что услышим. Мы, вероятно, ничего не узнаем до самого утра.

Х: Хорошо. Я постараюсь попридержать все здесь.

К: Я бы придержал его до самого раннего утра.

Х: Хорошо.

К: Мы уведомили его обо всех утренних телефонных звонках. Рон [Зиглер] тоже может это выложить.

Х: Верно. Хорошо.

К: Но Вы не согласны, честно говоря?

Х: Я знаю, но знаю и о той, другой проблеме.

К: Вам лучше судить об этом. По моему мнению, проблема, с которой я сталкиваюсь, заключается в том, что если мы считаем ее кризисом – то ничего не говорите, действуйте жестко, не накаляя страсти.

Х: Верно. Я буду на связи. Я вернусь к нему по этому поводу.

К: Спасибо.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВАЛЬДХАЙМ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

13:20

В: Я хочу держать Вас в курсе происходящего здесь. Зайят пришел к председателю [Генеральной Ассамблеи] и встретился с ним в моем присутствии. Он попросил его срочно созвать заседание Генеральной Ассамблеи. Я упоминал Вам об этом, что он уже предлагал мне это. Председатель отреагировал так же, как и я. Он сказал, что технически это невозможно сделать. Он не может сделать это так быстро. После продолжительного разговора Зайят согласился отправить ему письмо, которое он подготовил и подписал в кабинете председателя, и вместо проведения специального заседания Генеральной Ассамблеи он попросил распространить это письмо. Это двухстраничное письмо, в котором израильтяне обвиняются в начале агрессии и что они должны были отреагировать, и они обвиняют израильтян в том, что те начали эту агрессию вдоль египетско-сирийской границы и продолжают политику израильской оккупации арабской территории и усиленно используют арабские территории.

К: Думаю, мы пойдем все, в конце концов.

В: Это обвинение [против] Израиля в том, что он не принял резолюцию ООН [242] и т. д. Такова ситуация, и это письмо будет распространено в качестве документа Генеральной Ассамблеи по запросу Зайята, и он выступит в понедельник утром на Генеральной Ассамблее. Он пришел ко мне в офис и сказал, что по-прежнему не запрашивает проведения дебатов в Совете Безопасности. Это правильно? Я могу представить себе, что они этого просто не хотят.

К: Мы считаем, что дебаты в Совете Безопасности должны состояться сегодня во второй половине дня, и мы будем выступать против любых дебатов по этому вопросу в Генеральной Ассамблее.

В: Это дело Совета Безопасности.

К: Мы не считаем Генеральную Ассамблею правомочной.

В: Было отказано в проведении заседания Генеральной Ассамблеи. У нас нет этой проблемы, по крайней мере, на выходных. Если Зайят попросит возможности высказаться, председатель должен предоставить ему слово. Когда я спросил его, он сказал, что попросит слова, только когда увидит, как идут дела. Думаю, он хочет посмотреть, как будут развиваться военные операции.

...

К 14:10 мы получили предварительный ответ от советского руководства. Его тон был дружелюбным, оставалась открытой возможность скоординированных действий, но не было включено никаких вариантов. Трактовка в ответе советского предвидения была столь же неоднозначной. Советские руководители утверждали, что узнали о начале боевых действий примерно в то же время, что и мы. Это могло быть технически правдой. Но они вывезли своих граждан из Египта и Сирии двумя днями ранее, явно в ожидании неминуемой войны.

ПРОДИКТОВАНО ПОСЛОМ ДОБРЫНИНЫМ ГЕНЕРАЛУ СКОУКРОФТУ

Суббота, 6 октября 1973 года

14:10

[Послание советского правительства президенту Никсону и советнику Киссинджеру, продиктованное послом Добрыниным]

Д: «Советское руководство получило сообщение о начале военных действий на Ближнем Востоке одновременно с Вами. Принимаем все возможные меры к выяснению действительного положения в этом районе, поскольку поступающие сведения носят крайне противоречивый характер. Полностью разделяем Вашу озабоченность обострением ситуации на Ближнем Востоке. В прошлом мы неоднократно указывали на опасную ситуацию в этом районе.

Мы обдумываем сейчас, как и Вы, возможные шаги, которые следует предпринять. В скором времени надеемся вновь связаться с Вами на предмет возможного согласования действий».

ПОСОЛ США В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ДЖОН СКАЛИ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

15:45

К: У меня был никудышный ответ [от Советов], в котором говорится, что мы получили сообщение одновременно с тем, как мы связались с ними. Они хотели бы координировать действия с ними [арабской стороной] и свяжутся с нами. Думаю, нам следует подождать еще час или около того, пока я не смогу поговорить с Добрыниным.

С: Это прямо противоположное впечатление, которое у нас создается здесь. Информация здесь состоит в том, что Малик [Яков Малик, советский посол в ООН] [неразборчиво] в Совете Безопасности.

К: Это может быть направление. Они не говорят о координации действий в Совете Безопасности.

С: Верно, и мы точно знаем, что Египет не хочет созыва заседания Совета Безопасности.

К: Мы собираемся им позвонить. Я просто хочу получить еще одну трактовку от Добрынина.

...

ПОСОЛ ДОБРЫНИН – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

15:50

К: Анатолий, у меня Ваше сообщение. Не могу сказать, что это образец солидности. Это означает, что либо вы запутались, либо вы сотрудничаете с ними.

Д: С кем?

К: С арабами.

Д: Почему?

К: А как Вы думаете, что это означает? Как Вы это объясните?

Д: Было совершенно ясно, что они [советские лидеры] не знают точно, что происходит, но со своей стороны они будут сравнивать это – мы оба будем сравнивать вместе, – [но] что касается их окончательных планов, то мы сделаем это позже.

К: Насколько позже? Мы в раздражении, и я бы хотел услышать вашу реакцию. Египтяне хотят вынести вопрос на Генеральную Ассамблею, а мы считаем это легкомысленным поступком. Мы должны сказать, что если дело обернется дебатами в Генеральной Ассамблее, мы позволим этому идти своим чередом. Мы уверены, что это станет военной победой израильтян. Тогда все станут на нашу сторону. Если все обернется неприятностями, мы отключим на время связь [то есть дадим израильтянам свободу действий]. Мы считаем, что должны внести это дело на Совет Безопасности.

Д: Да.

К: Но мы притормозили до получения сообщений от вас. Сколько еще нам нужно ждать, пока мы [получим] от вас известие?

Д: Один час. У них там совещание.

К: Я подожду до 17:00 с принятием решения. Хочу заверить Вас в нашем желании сотрудничать с вами.

Д: Это наш ответ.

К: Это мое впечатление от Вашего ответа. То, что я сказал Вам, сделано для пользы ваших друзей. Никто не должен думать, что они могут нас обмануть.

Д: Нет. Нет.

К: И проведите во вторник большие пропагандистские дебаты. Мы думаем о том, чтобы созвать Совет Безопасности. Мы предложим, не осуждая ни одну из сторон, прекращение огня и возвращение к линии прекращения огня.

Д: Вот и все.

К: Я пришлю Вам проект резолюции.

...

ПОСЛАННИК ШАЛЕВ – КИССИНДЖЕР

Суббота, 6 октября 1973 года

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.